

"ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ", 1959 г., том 2.

Суд над старообрядцами нового собора 1666 - 1667 года.

Русский собор 1666 г. происходил между 29 апреля и 2-м июля. В ноябре прибыли патриархи: Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский. Их встречали, как миротворцев. Но, к сожалению, они попали в обработку не в русские, а в чисто греческие руки, да к тому же еще и недоброкачественные. Главным консультантом их оказался Паисий Лигарид, личность насквозь фальшивая. Он злобно и тенденциозно заразил патриархов настроением оскорбленной амбиции. Все дело старообрядческой оппозиции представил, как националистическую вражду части русских ко всему греческому. Лигарида в этом поддержал другой грек, проживший в Москве 15 лет (с 1655 г. по 1669 г.) архимандрит Афонского Иверского монастыря Дионисий. Он изучил русский язык, был среди книжных справщиков этого времени и зарекомендовал себя среди москвичей своим греческим превозношением над русскими. Не знавшие ни слова по-русски патриархи обречены были смотреть на все дело глазами этих двух своих переводчиков и советников. Тот и другой советник изложили свои взгляды на вопрос письменно. П. Лигарид еще ранее по поручению царя написал опровержение на челобитную протопопа Никиты Добрынина. Архим. Дионисий специально для собора изготовил опровержение старообрядчества. Как показывает сравнение текстов этого трактата Дионисия с окончательными постановлениями собора 1667 г., именно текст Дионисия и лег в основу суждений восточных патриархов; он же до буквальности часто воспроизводится и на протяжении всех актов этого собора. Хотя Дионисий с гордостью грека и громит невежество русских, но в своем сочинении он проводит совершенно противоисторическую, антинаучную, произвольную концепцию. Его трактат является таким же дипломом на историческое невежество, как и у его противников. В то время все их современники были слепцами в церковной археологии и в спорах на эти темы были одинаково беспомощны. Но горькая сторона данного случая сводится еще и к тому, что грек Дионисий, с чисто богословской, научно-исторической точки зрения, не возвышается над нашими старообрядцами и запутывается в том же обрядоверии. Его концепция такова:

Русские сами без греков неспособны сохранить православие. Как только с падением КПля они стали жить церковно самостоятельно, так и завелись у них эти "новшества"(!) в виде двуперстия, сугубой аллилуйи, посолонного хождения, седмипросфория и проч. Лишь теперь сношения с греками восстановлены, и открылась возможность опять исправиться: ..."отнележе престаша российский митрополиты ходити в Царь-град хиротонисатися... того ради гречестии изящнти архиереи не хождяху в Россию... Того ради начаша zde быти сия прелести: о сложении перстов, и прилоге в символе, и аллилуя и лроч... Остася земля сия не орана... и темным омрачением омрачися".. "Сие несогласие и ереси возрастоша от неких еретиков (!), кии от греков отлучишася

и с ними не совопрошахуся ни о чесом же, ради тогдашня своя суемудрия." (Намек на отцов Стоглавого собора).

На недоумение - а как же этого не заметили патриархи Иеремия II, поставивший патриарха Иова, Феофан, патриарх Иерусалимский, поставивший патриарха Филарета и Паисий патриарх Иерусалимский, бывший в Москве при патриархе Иосифе - Дионисий отвечал: они не знали русского языка и были почти под арестом, не выходили из дома и были лишены свободных сношений. Московская полицейская слежка лукаво истолкована здесь в смысле как бы укрывания москвичами своих "ересей." Чудовищная софистика!

Мелочно придирчиво толкуя смысл двуперстия, Дионисий видит в нем - ни много, ни мало - как и арианство, и македонянство, и савеллианство, и аполлинарианство!... Сугубая аллилуйя тоже и эллинское многобожие, и, если угодно, обратное тому - иудейский или агарянский монотеизм: "не разумеют окаяннии и слепии сердцем зане то есть вельми и зело велия ересь." И старая редакция молитвы Иисусовой без слов "Боже наш" тоже - арианство. Благословляющее сложение перстов, одинаково и у мирян и у священников, раз оно не "именословное," есть ересь лютерская и кальвинская. Словом, это - догматика обрядов. При ней никакое разнообразие обрядов в единой церкви недопустимо. Мыслимо лишь временное недоразумение, т. е. употребление по неведению неправильного обряда. Но после того, как соборно и авторитетно характер обряда выяснен, держаться за него церковно уже непозволительно, под угрозой отлучения за упорство и злую еретическую волю.

Итак, вот эта псевдоисторическая и псевдо-догматическая концепция. Русь была вполне православна, пока русские митрополиты ходили за хиротонией к грекам. Затем в отрыве от греков русские "темным омрачением омрачились," стали принимать "зло за добро и горькое за сладкое." И только теперь, особенно при царе Алексее Михайловиче, "сия земля великороссийская просвещатися паки нача и в православие вправлятися," так как теперь начала признавать высший авторитет по церковным вопросам в лице восточных, греческих патриархов. Теория, льстящая эллинскому патриотизму и совершенно антиисторическая. Образец того, как "хорошо подвешенный язык" без руля и без ветрил точного научного знания, хотя и под видом той же науки или просто церковного благочестия, может натворить столько бед. Лишь равное научное невежество русских архиереев могло сделать их молчаливыми согласниками с такой анти русской теорией и беззащитными в виду заранее безусловно признанного ими авторитета восточных. Греки польстили русским архиереям тем, что все их суждения на соборе 1666 г. признали "истинными и правыми" и "благословили и утвердили," предписали всем держаться исправленных книг и обрядов, но... все это снабдили своей несчастной (для русской церкви) мотивировкой.

Для оправдания невежественной теории Дионисия нужно было не только объявить еретическими старые русские обряды и наложить анафему на употребляющих их, но и отвергнуть главный аргумент старообрядчества: -

ссылку на соборное освящение русской церковной старины. Поэтому Дионисий, за ним патриархи, а за ними - увы! - и все русские отцы собора 1667 г. посадили на скамью подсудимых всю русскую московскую церковную историю, соборно осудили и отменили ее. Вот как отвергнута была главная веха русской обрядовой старины, т. е. Стоглавый собор:

"А собор, иже бысть при благочестивом, великом государе, царе и великом князе Иоанне Васильевиче, всея России Самодержце, от Макария, митрополита Московскаго, и что писаша о знамени честнаго креста, сиречь о сложении двою перстов, и о сугубой аллилуйе и о прочем, еже писано нерассудно простотою и невежеством, в книзе Стоглаве; и клятву, юже без разсуждения и неправедно положиша, мы православные патриарси, кир Паисий, папа и патриарх Александрийский и судия вселенней, и кир Макарий, патриарх Антиохийский и Всего Востока и кир Иоасаф, патр. Московский и всея России, и весь священный собор тую неправедную и безразсудную клятву Макариеву и того собора разрешаем и разрушаем и той собор не в собор и клятву не в клятву, но ни во что вменяем, яко же и не бысть. Зане той Макарий митрополит и иже с ним мудрствоваша невежеством своим безразсудно, якоже восхотеша сами собою, несогласяся с греческими и с древними харатейными словенскими книгами, ниже со вселенскими святейшими патриархи о том советоваша и ниже совопросишася с ними."

А в другом месте собор 1667 г. подчеркивает и причину неудачи Стоглавого собора в том, что на нем не было восточных представителей и он не получил благословения восточных патриархов, хотя, конечно, для поместного собора этого и не требовалось. И, так как по сознанию русских XVI в., Москва III Рим не только не нуждалась в греческих церковных советах, но и избегала их, как подозрительных по латинской (флорентийской) заразе, то язвительный упрек греков XVII в. без сомнения был своеобразной мезтью русским за их религиозную самоуверенность и превозношение. Это была в своем роде искусно и благовременно для греков разыгранная церемония постановки на колени всего периода русской автокефалии от 1449 до 1667 г., столь неприятной для греков. Заносчивой "простоте и невежеству" русской церкви задана была греками "непростыми," но тоже невежественными, унижительная секуция. Этого не делал в полемике с старообрядцами ни собор 1666 г., ни патр. Никон. Это могло быть делом только чужих рук. Иллюстрация того, теряющего меру национализма, который рождает в истории церкви плоды ненависти. За это греки ненавидят болгары, румыны, арабы. За несравненно меньшие промахи иногда ненавидят русских грузины и т. п. Греки здесь вошли в роль господ и выражались властно: "хощем убо мы и повелеваем," "толкуем же мы, два патриархи сие правило..." и "преслушающии же сию нашу заповедь и правило наказани да будут запрещением и отлучением..."

Основания суждений Стоглавого собора и старообрядцев отвергались резко и беспощадно. Феодоритово слово о двуперстии "солгано от неких суемудрых и сокровенных (!) еретиков." Имени их нельзя было найти и несуществовавшие еретики названы "сокровенными." Житие св. Евфросина

Псковского (о сугубой аллилуйе) "писано от соннаго мечтания." Сказание о белом клобуке - "лживо и неправедно есть," а автор его Димитрий Толмач "писа от ветра главы своея."

Русские епископы все эти обидные вещи подписали. Такова была их мера лояльности к царю, вставшему на базу греческого авторитета и лояльности к самим патриархам, как следствие своей научной беспомощности. Горькая расплата за покой невежества. А греки торжествовали. В письме к КПльскому патриарху они писали, что все это они учинили **ad Majorem graecorum gloriam**, что отныне царская милостыня "великому престолу" обеспечена. И вообще "...яко с нашим пришествием средостение вражды разрушися и повсядневнаго плена извет погипе. Воеже бы паки надеяться нам приити ко прежней нашей свободе, чести и славе, юже древле имехом. Понеже зде неции со своими буйствы и неистовствы обезчестиша рода нашего преизящную светлость, того ради сотворишася у вельмож достойни презрения и отвержения. Обаче тшачомся и по вся дни молим, да извергнутся из среды и весьма отложатся уметы, чести ради общия и лепоты рода нашего."

Завершая победу, греческие патриархи все мелочные вопросы быта и стиля решали простыми многократными ссылками: "да творят по чину восточныя церкви," "якоже чин держится издревле во всех святых церквах в восточных странах, и в Киеве и повсюду, опричь Московскаго государства." В порядке такой логики патриархи требуют, чтобы русские священники и диаконы впредь всегда носили скуфьи, по примеру восточных клириков, покрывающих голову специфическими камилавками. Такие камилавки греческого образца и рекомендуются русским. Равным образом и покрой ряс для духовенства предписывается тоже греческий: "Одеяния да носят, яко же си носят освященного чина и монахи святые восточные церкви.".. "Аще ли же кто станет укоряти носящих греческие одежды, таковой, аще от священнаго чина будет, да извержется, аще ли от мирскаго, да будет отлучен.".. "яко бы во святой соборной церкви было единомыслие и согласие во всем, якоже во священнодействии, и во священных ризах и во прочих церковных чинах такоже были согласию и во всяких одеяниях, ихже носим."

Общее постановление собора 1667 г. об обрядах и их противниках формулировано так: "Сие наше соборное повеление и завещание ко всем вышереченным чинам православным предаем и повелеваем всем неизменно хранить и покоряться святой восточной церкви. Аще ли же кто не послушает, повелеваемых от нас и не покорится святой восточной церкви и сему освященному собору, или начнет прекословити и противитися нам, и мы такового противника данною нам властью от Всесвятаго и Животворящаго Духа, аще ли будет от священнаго чина, извергаем и обнажаем его всякаго священнодействия и проклятию предаем. Аще же от мирскаго чина, отлучаем и чужда сотворяем от Отца и Сына и Святаго Духа, и проклятию и анафеме предаем, яко еретика и непокорника и от православнаго всесочленения и стана и от церкви Божия отсекаем, дондеже уразумится и возвратится в правду покаяния. И аще пребудет во упрямстве своем до скончания своего, то да будет

и по смерти отлучен, и часть его и душа его со Иудою прадателем и с распеншими Христа жидовы и со Арием и с прочими проклятыми еретиками. Железо, камени и дресеса да разрушатся и да растлятся, а той да будет не разрешен и не растлен во веки веков, аминь."

Этот мрачный взгляд на старообрядцев, как на еретиков, усвоен и продолжен был затем всеми официальными церковными полемистами против старообрядческих раскольников. На этой точке зрения стоят: Игнатий Тобольский в его "Посланиях," святой Димитрий Ростовский в "Розыске," Питирим Нижегородский в "Пращице," Арсений Мациевич Ростовский и др. Пресечена была эта традиция лишь в конце XVIII в. просвещенным и умным митр. Московским Платоном, установившим "единоверие." Он первый написал эти добрые, умные слова от лица официальной церкви: "если вера о Св. Троице есть непорочна, то какими бы пальцами ее не изображать, нет беды спасению, что как бы ни ходить - по солнцу или против солнца, в том великой силы не находим... Хорошо ходить по солнцу, только бы быть в соединении с церковью." А за митр. Платоном и первый богословский ум русской церкви XIX в., митр. Филарет в "Беседах к глаголемому старообрядцу" попытался со свойственным ему благолепием речи объяснить царившее более столетия до него воззрение на старый обряд, как на ересь. Филарет писал, что фанатическое упорство раскольников будто бы внушало русской церкви "опасение и подозрение: не есть ли, или не окажется ли двуперстное знамение выражением какого-либо нового неправого учения о Божестве(?)." Но так как столетний опыт этого не подтвердил, то вот будто бы потому теперь и допущено "единоверие."

На самом деле со времени учреждения единоверия, русская церковная власть, а за ней и вся русская церковь *de facto* отменила навязанный нам греками на соборе 1667 г. взгляд на старый обряд, как на ересь. Остается теперь лишь формально, *de jure, post factum* санкционировать это молчаливое и правильное решение русской церкви опять на поместном соборе и с формальной же отменой клятв собора 1667 г. Этот собор сам дал пример, как следует отменить его постановление. Отменяя решения Стоглавого собора, собор 1667 г. ссылался на практику древних соборов, отменявших постановления соборов, им предшествовавших. Пример дал сам собор 1667 г., отменив не только Стоглавый собор, но с более мягкой мотивировкой и решения русского собора 1622 г. при патр. Филарете о перекрещивании латинян. С тех пор перекрещивание у нас отменено, а у греков в XVIII в. вновь появилось. На соборе 1667 г., угождая царю, греческие иерархи прибегли в последнем случае к пространной оговорке: "Аще же кто негодовати начнет за соборное изложение оно, еже бысть при святейшем патриархе Филарете Никитиче Московском и всея России, ревность имея, еже бы не разрушити его; о сем таковой да не негодует и да не сумнится, но да вестъ, яко в древляя времена собор собора исправляше, не негодующе о первом, но на лучшее церкви смотряюще, исправиша последи... И что многа глаголати? И апостольская узаконения и правила святии отцы последи исправляху на лучшая, яко же видети в VI же вселенском соборе, во XII правиле... И многа ина таковая обрести иматъ кто от

прежних святых соборов изложенная, от последних без зазора исправленная, а не зазирашу и не поношаху прежних в исправлении. И ныне убо о исправлении прежде бывшего собора при святейшем Филарете патриархе никто же да сумнится, или зазрит: лепо бо по прежде реченных образех."

Вот по этому же "прежде реченному образу" следует отменить и клятвы самого собора 1667 г.

Этот "греческий" собор закрепил своими клятвами существование у нас старообрядчества не как оппозиции, которая могла бы угаснуть и сжаться до малой секты, а как безнадежно отделившегося от церкви в момент возбуждения широкого народного движения. И на эту рану клятв, из угоды царю, греки еще посыпали соли "телесного озлобления" раскольников, т. е. надели на них мученический венец. Они дали совет царю подвергнуть отлученных "градским казням." Вот что окончательно создало в русской жизни именно раскол. Ссылаясь на жестокие примеры греческой истории, отцы собора 1667 г. писали: "наказать злочестивых и градским законом, и казнить их разным томлением и различными муками." И дальше приводятся исторические примеры: "и сице овым языки отрезоша, овым руце отсекоша, овым уши и носы, и позориша их по торгу, и потом сослани быша в заточение до кончины их.".. "Се убо познаем от сих, яко еретики и раскольники не токмо церковным наказанием имуть наказатися, но и царским, сиречь градским законом и наказанием.".. "Да крепкою десницею твоею защитиши церковь Божию от них, да мстиши им безбожное ратование и оборониши овцы стада Христова от зуб их волчиих, да не к тому бегают и рыкают, во еже что восхитити и поглотити."

Мысль русских отцов собора 1666 г. в таком направлении не работала. Вот почему мы назвали несчастной идею царя Алексея Михайловича рассудить дело патр. Никона авторитетом восточных и на их же суд отдать чуждое им и непонятное дело глубоко национальной и специфически русской религиозной боли сердца об обряде.

Осужденные вожди старообрядчества назвали этот собор "бешеным," уподобили его иконоборческому собору Константина Копронима (754 г.), на котором "со властями не Христос сидел, ни Дух истинный учил, но лукавый сатана."

Так началась отдельная история русского раскола.